

УДК 821.161.1–3.09Г58

DOI 10.31654/2520-6966-2019-12f-95-24-30

В. В. Любецкая

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языковой и общегуманитарной подготовки иностранцев

Одесского национального университета им. И. И. Мечникова

"Предел любви" в повести "Старосветские помещики" Н. В. Гоголя

*Статья посвящена рассмотрению повести "Старосветские помещики" Н. В. Гоголя, в которой обосновывается идея о веко-вечности и всецелостности любви, достигшей своего "предела", когда двое – суть одно. Прослеживается, как меняется старосветский мир с вхождением в него разумности, синонимичной злу. "Умственное младенчество" – залог существования земного рая, но идиллии приходит конец вместе с "познанием". Отмечается нарушение и внешних границ мира старосветских помещиков, пространство в повести четко делится на "свое" и "чужое". Поместье Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича есть Дом с большой буквы, а главной скрепой этого Дома является любовь, свидетельствующая о том, что персонажи соединены у Н. В. Гоголя. Даже после смерти и констатации неизбежной гибели патриархального быта остается любовь, в которой "двое едины будут" (П. Флоренский). В работе автор концентрирует внимание и на такой особенности гоголевской прозы, как поэтичность. В связи с этим подчеркивается, что повесть "Старосветские помещики" – это поэтизация прозы жизни. **Ключевые слова:** поэзия, проза, идиллия, художественное пространство, предел, феномен любви, целостность.*

*Предел любви – да двое едино будут.
Отец Павел Флоренский*

Самая трогательная повесть Н. В. Гоголя – повесть "Старосветские помещики" (цикл "Миргород", 1835 г.). Это история престарелых супругов – Афанасия Ивановича и Пульхерии Ивановны, нежно любящих друг друга. Муж и жена живут душа в душу, ведут свое небольшое хозяйство, радушно принимают гостей. Старосветских помещиков часто сравнивают с мифическими героями – Филемоном и Бавкидой. Основанием для такого сравнения стала простая жизнь, глубокое взаимопонимание и любовь героев, которые суть "единое целое" у Н. В. Гоголя. Как мы видим, таинственный "предел любви" достижим для Н. В. Гоголя, но стоит прояснить:

может ли эта идиллия длиться вечно? Возможно, что земная жизнь и земная любовь имеют свое окончание, но та любовь, которая достигла своего "предела", бесконечна. Важную роль в создании ярких, многогранных художественных образов играет язык Н. В. Гоголя, "язык, заведомо отклоняющийся от средней нормы", соединяющий в себе "высокую поэзию" и "грубейшее просторечие" [4, с. 379].

В 1835 г. Н. В. Гоголь издал сразу два сборника – "Арабески" и "Миргород". Сборник "Миргород", как и сборник "Арабески", состоял из двух частей, по две повести в каждой. В первую часть вошли "Старосветские помещики" и "Тарас Бульба", во вторую – "Вий" и "Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем". Как мы видим, писатель сгруппировал повести, однако каждую из них можно читать по отдельности, и она не потеряет своего смысла. Сборник "Миргород" имеет подзаглавие – "Повести, служащие продолжением "Вечеров на хуторе близ Диканьки", то есть Н. В. Гоголь указывает на связь двух циклов. Однако художественное мышление в "Миргороде" меняется, оно глубоко исторично. Это напрямую связано с серьезным увлечением писателя историей, которую он полюбил еще с Нежинской гимназии, преподавал в Патриотическом институте, и планировал издание многотомной истории и географии Украины. Свои исторические воззрения Н. В. Гоголь изложил в статье "Взгляд на составление Малороссии". По его плану эта статья должна была стать лишь вступлением к большой "Истории Малороссии", но замысел этот не воплотился. Все свои силы писатель сосредоточил на "Миргороде", поэтому сборник получился более разнообразным в жанровом отношении, более зрелым. В "Миргороде", в отличие от "Вечеров на хуторе близ Диканьки", уже нет единого рассказчика – Рудого Панька, замыкающего цикл. Впервые звучит авторский голос: "Писатель углубил проблемы, затронутые в "Вечерах". Здесь меньше веселья, больше грусти, а христианское мироощущение выражено еще более ярко, чем в первом печатном сборнике" [3, с. 24–25]. В 1832 году после пятилетнего отсутствия Н. В. Гоголь посетил родное село – Васильевку Миргородского уезда Полтавской губернии. В основу повести "Старосветские помещики" легли впечатления от этой поездки. Скорее всего, Н. В. Гоголь работал над повестью в конце 1833 – начале 1834 года. "Биографы Гоголя небезосновательно утверждают, что жизнь старосветских помещиков в его повести во многом напоминает историю взаимоотношений между дедом писателя – Афанасием Демьяновичем и его бабушкой – Татьяной Семёновной" [3, с. 24–25]. Возможно, что прототипами

героев повести могли быть и другие знакомые Н. В. Гоголю миргородские старики – семейство Зарудных или Бровковых. Литературными претекстами повести "Старосветские помещики" является не только миф о Филемоне и Бавкиде, рассказанный Овидием в "Метаморфозах", но трактовка этого мифа в произведении И. В. Гете – "Фауст". Ощутимо влияние сентиментальной прозы Н. М. Карамзина, баллад В. А. Жуковского, повествующих о любви после смерти. Таким образом, повесть "Старосветские помещики" – вариация Н. В. Гоголя на тему идиллии: старосветский мир обещает покой смущенному разуму. Всего в этом мире в избытке, это полнота божественной жизни: "Я очень люблю скромную жизнь тех уединенных владетелей отдаленных деревень, которых в Малороссии обыкновенно называют старосветскими... Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенно уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает через частокол... Жизнь их скромных владетелей так тиха, так тиха, что на минуту забываешься и думаешь, что страсти, желания и беспокойные порождения злого духа, возмущающие мир, вовсе не существуют..." [1, т. II, с. 7]. Ясной и спокойной жизнью живут Товстогубы, пребывают в "умственном младенчестве", а все, что Бог утаил "от премудрых и разумных", он "открыл младенцам" (Мф. 11:27–30). Отец Павел Флоренский говорит о том, что "истинная человеческая разумность недостаточна по тому самому, что она – человеческая... и, в то же время... отсутствие умственного богатства... может оказаться условием стяжания духовного ведения" [5]. Старосветские помещики наивны и открыты, как дети, и потому, например, их так ловко обманывает приказчик: господскими лесами он пользуется как своими собственными, но доброта хозяев не позволяет им распознать очевидный обман. Афанасий Иванович очень мало занимался хозяйством, а Пульхерия Ивановна "один только раз ... пожелала обревизировать свои леса" [1, т. II, с. 13]. Она "не могла не заметить страшного опустения в лесу и потери тех дубов, которые она еще в детстве знавала столетними" [1, т. II, с. 13], но приказчик заверил ее, что они пропали и "Пульхерия Ивановна совершенно удовлетворялась этим ответом" [1, т. II, с. 13]. Мы видим, что Пульхерия Ивановна с нежностью заботится о муже, считая его ребенком, а он подшучивает над ней, радуясь ее детскому испугу. По-детски, с радостью старички принимают гостей: "Эти добрые люди, можно сказать, жили для гостей. Все, что у них было лучшего, все это выносилось... во всей их услужливости не было никакой приторности. Это радушие и готовность так кротко выражалась на их лицах, так шли к ним, что

поневоле соглашался на их просьбы. Они были следствием чистой, ясной простоты их добрых, бесхитростных душ" [1, т. II, с. 17]. Пространно и поэтично изображен Н. В. Гоголем простой быт его героев, в этом смысле гоголевская проза уникальна: "Говоря о прозе, в особенности о прозе Гоголя, нужно помнить, что в начале художественного слова была не проза, а поэзия, которая потом уже перешла на прозу. Проза – разновидность поэзии и представляет собою опускание поэзии на иные пласты сознания и языка" [4, с. 379]. Таким образом, повесть "Старосветские помещики" – это поэтизация прозы жизни. Как "солнце миру" явлена любовь в повести "Старосветские помещики": "Нельзя было глядеть без участия на их *взаимную любовь*. Они никогда не говорили друг другу *ты*, но всегда *вы*; вы, Афанасий Иванович; вы, Пульхерия Ивановна... Они никогда не имели детей, и оттого вся привязанность их сосредотачивалась на них же самих" [1, т. II, с. 9]. Многие исследователи пишут о "Старосветских помещиках", как о христианской по духу повести, в которой показана праведная, угодная Богу любовь. Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович едины во всем, всю свою жизнь они провели вместе, помогая и поддерживая друг друга, создавая уют своего дома. Но писатель задает двойственный тон повести, напоминая о блаженной Аркадии и о смерти, которая вдруг проникает в нее. Одно "печальное событие" изменило жизнь этого "мирного уголка" навсегда. В мирный мир вторгается разумность, синонимичная злу, это мистическая и одновременно реальная сила. Идиллии приходит конец вместе с "познанием". Дурная примета пугает Пульхерию Ивановну, рождает множество страхов в ее душе. В своей домашней кошечке прозрела и узнала Пульхерия Ивановна смерть: "*Задумалась* старушка. "Это смерть моя приходила за мной!" – сказала она сама себе, и ничто не могло ее рассеять" [1, т. II, с. 21]. Вслед за внешним потерян и внутренний мир. И виной тому стала мысль-сомнение, перелетевшая за частокол. Нарушена и условная внешняя граница старосветского мира. В работе "Художественное пространство в прозе Гоголя" Ю. Лотман поясняет, что мир старосветских помещиков отгорожен от мира внешнего. Писатель изображает земной рай, Эдем: "Поместье старосветских помещиков... есть Дом с большой буквы" [2]. Извне приходит в Дом беда, из дикого леса: "Неизменность – свойство Дома, внутреннего пространства, и изменение возможно лишь как катастрофа разрушения этого пространства. Вера в невозможность этого делает сам вопрос предметом шуток: "Иногда, если было ясное время и в комнатах довольно тепло, на-

топлено, Афанасий Иванович, развеселившись, любил пошутить над Пульхерией Ивановною и поговорить о чем-нибудь постороннем. "А что, Пульхерия Ивановна, – говорил он, – если бы вдруг загорелся дом наш, куда бы мы делись?" [2]. Но главной скрепою Дома, конечно, была любовь составляющих его персонажей, которые у Н. В. Гоголя *"соединены, а не разъединены"* [2]. Даже находясь при смерти, Пульхерия Ивановна думает о своем муже: "Бедная старушка! Она в то время не думала ни о той великой минуте, которая ее ожидает, ни о душе своей, ни о будущей своей жизни; она думала только о бедном своем спутнике, с которым провела жизнь и которого оставляла сырым и бесприютным" [1, т. II, с. 23]. В свою очередь Афанасий Иванович "весь превратился во внимательность" и не отходил от постели жены. Но Пульхерия Ивановна умерла: "Афанасий Иванович был совершенно поражен. Это так казалось ему дико, что он даже не заплакал. Мутными глазами глядел он на нее, как бы не понимая значения трупа" [1, т. II, с. 23]. Когда вернулся Афанасий Иванович домой, то понял, осознал всю глубину своей потери: "Но когда возвратился он домой, когда увидел, что пусто в его комнате, что даже стул, на котором сидела Пульхерия Ивановна, был вынесен, – он рыдал, рыдал сильно, рыдал неутешно, и слезы, как река, лились из тусклых очей" [1, т. II, с. 24]. С того времени проходит пять лет, рассказчик задается вопросом: "Какого горя не уносит время? Какая страсть уцелеет в неровной битве с ним?" [1, т. II, с. 24]. Так, например, один романтический "человек в цвете юных еще сил", "влюбленный нежно, страстно, бешено, дерзко, скромно", после смерти любимой супруги дважды пытался "умертвить себя", но всего через год он уже весело играл в карты в обществе новой молодой жены. Не таков Афанасий Иванович. Без Пульхерии Ивановны в Доме царит "странный беспорядок", ощутимо "отсутствие чего-то", даже предметы, бывшие целыми, теперь поломаны, полнота отсутствует всюду: "... за столом подали один нож без черенка; блюда уже не были приготовлены с таким искусством. О хозяйстве я не хотел и спросить, боялся даже взглянуть на хозяйственные заведения" [1, т. II, с. 25–26]. И сам герой совершенно бесчувственен, "мысли в нем не бродили, но исчезали" [1, т. II, с. 26].словно ребенок, он не может аккуратно есть, "часто поднимал он ложку с кашей и, вместо того чтобы подносить ко рту, подносил к носу" [1, т. II, с. 26]. Но при одном воспоминании о своей супруге у Афанасия Ивановича "вдруг брызнули слезы": "Рука его упала на тарелку, тарелка опрокинулась, полетела и разбилась ... он сидел бесчувственно... и слезы, как ручей, как немолчно текущий фонтан, лились, лились ливня на

застилавшую его салфетку" [1, т. II, с. 26]. Зримим знаком присутствия в повести рассказчика являются комментарии к происходящим событиям, с одной стороны, это "свой человек", добрый знакомый старичков, а с другой – представитель внешнего мира. Рассказчика изумили слезы Афанасия Ивановича, он даже не может понять – что это, страсть или привычка? Забыв о том, что это "взаимная любовь" [1, т. II, с. 9]. "Боже! – думал я, глядя на него, – пять лет всеистребляющего времени – старик, уже бесчувственный старик, которого жизнь, казалось, ни разу не возмущало ни одно сильное ощущение души... и такая долгая, такая жаркая печаль! Что же сильнее над нами: страсть или привычка? ... это были слезы, которые текли не спрашиваясь, сами собою, накапливаясь от едкости боли уже охладевшего сердца" [1, т. II, с. 26–27]. Недолго после того жил Афанасий Иванович: "Странно, однако же, то, что обстоятельства кончины его имели какое-то сходство с кончиною Пульхерии Ивановны... В один день Афанасий Иванович решился немного пройтись по саду... Он вдруг услышал, что позади его произнес кто-то явственным голосом: "Афанасий Иванович!" Он оборотился, но никого совершенно не было... и он наконец произнес: "Это Пульхерия Ивановна зовет меня!" [1, т. II, с. 27]. Зовет в жизнь вечную. Перед своей кончиною Афанасий Иванович просит положить его возле Пульхерии Ивановны.

Поместье старичков разрушено, Дом пуст, но все-целостной и веко-вечной остается любовь, связавшая воедино двух людей. Итак, в повести Н. В. Гоголя изображена не "привычка", а предел любви – ровное, гармоничное, идиллическое чувство, близкое идеалу христианскому.

Література

1. Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. Москва: Худож. лит., 1984–1986. Т. 2: Миргород. 1984. 319 с.
2. Лотман Ю. Художественное пространство в прозе Гоголя. URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm>
3. Мацапура В. И. Н. В. Гоголь: художественный мир сквозь призму поэтики. Полтава: Полтавський літератор, 2009. 304 с.
4. Терц А. (Синявский А.) В тени Гоголя. Москва: КоЛибри, 2009. 672 с.
5. Флоренский П. Столп и утверждение истины. URL: http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhdienie/

References

1. Gogol' N. V. (1984). *Sobranie sochinenij*. [Collected works in 7 volumes]. Hudozh. lit. Publ. – Artist. Lit., 1984–1986. (Vols. 7. Vol. 2.) Mirgorod. [in Russian].
2. Lotman Ju. *Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja*. [Artistic space in Gogol's prose.] URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/gogolSPACE.htm> (Last accessed 7.02.2019). [in Russian].

3. Macapura V. I. (2009). *N. V. Gogol: hudozhestvennyj mir skvoz prizmu poetiki*. [Gogol: the artistic world through the prism of poetry]. Poltava. [in Russian].

4. Terc A. (Sinjavskij A.) (2009), *V teni Gogolja*, [In the shadow of Gogol]. Moscow, KoLibri Publ. [in Russian].

5. Florenskij P. *Stolp i utverzhenie istiny*. [The Pillar and Ground of the Truth Available] URL: http://www.odinblago.ru/stolp_i_utverzhenie/ (Last accessed 7.02.2019). [in Russian].

В. В. Любецька

кандидат філологічних наук, старший викладач кафедри мовної та загальногуманітарної підготовки іноземців
Одеського національного університету ім. І. І. Мечникова

"Межа любові" у повісті "Старосвітські поміщики" М. В. Гоголя

Стаття присвячена розгляду повісті "Старосвітські поміщики" М. В. Гоголя, в якій обґрунтовується ідея про віко-вічність і все-цілісність любові, що досягла своєї "межі", коли двоє – суть одне. Простежується, як змінюється старосвітський світ з входженням в нього розумності, що є синонімічна до зла. "Розумове дитинство" – запорук існування земного раю, але ідилії настає кінець разом з "пізнанням". Відзначається порушення і зовнішніх кордонів світу старосвітських поміщиків, простір у повісті чітко ділиться на "своє" і "чуже". Маєток Пульхерії Іванівни і Афанасія Івановича є Будинок з великої літери, а головною скріпою цього Будинку є любов, яка свідчить про те, що персонажі з'єднані у М. В. Гоголя. Навіть після смерті і констатації неминучої загибелі патріархального побуту залишається любов, в якій "двоє єдині будуть" (П. Флоренський). У роботі автор концентрує увагу і на такій особливості гоголівської прози, як поетичність. У зв'язку з цим підкреслюється, що повість "Старосвітські поміщики" – це поетизація прози життя.

Ключові слова: поезія, проза, ідилія, художній простір, межа, феномен любові, цілісність.

V. V. Liubetska

PhD; Senior Lecturer, Odessa I. I. Mechnikov National University

"The Limit of Love" in the story "The Old world landowners" of N. V. Gogol

The article is devoted to the story "The old world landowners" of N. V. Gogol. It substantiates the idea of eternity and all-the integrity of love, which has reached its "limit" when the two became the one. It can be traced how the old world is changing when rational (the synonymous with evil) enters. "Mental infancy" – a pledge of the existence of earthly paradise, but the idyll comes to an end with the "knowledge". There is a violation of the external borders of the old world of landowners, where the space in is clearly divided into "their" and "foreign". The estate of Pulcheria Ivanovna and Afanasy Ivanovich is the House with a capital letter, and the main foundation of this House is love, which indicates that N. V. Gogol's characters are connected. Even after the death and understanding the inevitable death of the patriarchal life love remains, where "the two will be the one" (P. Florensky). In this paper, the author focuses on such peculiarities of Gogol prose as poetry. It also underlines that the story "The old world landowners" – is the poetization of the prose of life.

Key words: poetry, prose, idyll, artistic space, the limit, the phenomenon of love, integrity.